

страдалицы, то в будущем для старообрядцев - вечная жизнь ("сладкий рай", "блаженное восприятие"), никониане же - "бедные".

Для автора главное - жизнь души, поэтому диалог автора с адресатом протекает в пространстве духа. Аввакум как будто разговаривает с близко стоящим человеком, речь его полна восклицаний, вопросов. Таким образом, автор "устраняет" пространство, отделяющее его от адресата.

Только в пространстве духа автор и адресат могут объединиться в общей молитве. Молитва - это тоже диалог, разговор с Богом. Это способ выйти за рамки настоящего, приблизиться к Вечности.

Итак, Аввакум существенно модифицировал жанр посланий, объединив фольклорные традиции и особенности ораторской прозы. В его творчестве этот жанр принципиально ориентирован на диалог с адресатом. Автор ждет ответного слова, моделирует его и спорит с ним, создавая своеобразные сценки. Для посланий Аввакума характерно разнообразие тона повествования, что обусловлено подвижностью авторской позиции в тексте, которая может перемещаться как из настоящего в будущее, так и из подземной тюрьмы к адресату.

Ю. Анина
Псков

“МЕРТВЫЕ ДУШИ” В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ А. БЕЛОГО И Л. ДОБЫЧИНА ("МАСТЕРСТВО ГОГОЛЯ" И "ГОРОД ЭН")

Актуализация творческих открытий Гоголя в прозе "Серебряного века" во многом связана с именем А. Белого. Как отмечено Н. Жуковой, автором вступительной статьи к современному изданию "Мастерства Гоголя", "именно с подачи Белого приемы Гоголя стали литературной реальностью в полной мере". Рассмотрение романа Л. Добычина "Город Эн" в связи с гоголевской традицией представляется нам наиболее продуктивным в своеобразном треугольнике связей: Гоголь, Белый, Добычин.

А. Белый и Л. Добычин, оригинальнейшие русские прозаики XX века, объединены в контексте литературной эпохи 20-30-х годов общей художественной задачей: поиска и разработки новых форм в прозе. В решении этой задачи и тот, и другой ориентируются на Гоголя. А. Белый в главке "Гоголь и Белый" анализирует собственные произведения и приходит к выводу о том, что его проза - "итог работы

над гоголевскою языковою образностью. Л. Добычин в своем самом крупном и значительном произведении "Город Эн" имя Гоголя выводит на первый план.

Однако, при общей направленности взглядов, творческие решения писателей различны. Причем можно говорить о полемической заостренности метода Л. Добычина в отношении художественной манеры А. Белого. Это отмечено исследователями метра С. Корниловым и Ю. Орлицким. На сюжетном уровне романа "Город Эн" обнаруживаются реминисценции из текстов А. Белого: портретная характеристика отца Федора ("в золотом костюме с синими букетиками") перекликается с описанием о. Вукола в романе А. Белого "Серебряный голубь" ("...в затканной синими букетами ризе").

Механизм трансформации гоголевской традиции в тексте Добычина проясняется в соотнесенности с интерпретацией Белого как художника и исследователя. Это можно проследить на различных уровнях организации текста "Города Эн". Предположительно можно говорить о том, что использование критериев и метода анализа текста, выработанных А. Белым в процессе работы над творчеством Н. Гоголя, в отношении романа Добычина позволит выявить и раскрыть в последнем сложные игровые моменты.

Исследуя особенности гоголевского сюжета, А. Белый отмечает значимость детали, "выглубляющей" и "дочерчивающей" его. Открыть содержание детали (или прочесть с "пониманием симптоматики ситуации целого") - значит осознать "двунатурность" гоголевского сюжета: "одна натура в обычно понимаемом смысле; другая - натура сознания /.../ Гоголя. Интерпретация образа Чичикова в работе Белого - опыт прочтения скрытого в деталях сюжета. Чичиков: "круг - равновесие; /.../ круглота замкнутости в себе; ему предшествует колесо...". Анализируя "кривой путь" главного героя "Мертвых душ", Белый показывает, как провал на балу губернатора подготовлен в "сюжетных узлах" (символических деталях) поэмы. Причина провала - "донкихотство" Чичикова (сердечная "дама" разрывает "фикцию равновесия... меж поэзией жизни и грязью" в Чичикове). Определение "донкихотство", примененное Белым к Чичикову, заимствовано из речей гоголевского Костанжогло, которого возмущала эта особенность русского характера, мешающая устроить хозяйство, подрывающая расчет.

В тексте Добычина неожиданно, на первый взгляд, сталкиваются имена Чичикова, Манилова и Дон Кихота в разговоре героя-рассказчика с "другом" ("страшным мальчиком") Сержем

Кармановым. На наш взгляд, этот эпизод является ключевым в понимании аксиологической расстановки героев в романе. Включая в текст произведения имена литературных героев, автор создает игровую ситуацию. Исследовательница А. Петрова предполагает, что герой-рассказчик “занимает наивную позицию Манилова”. Однако на протяжении романа рассказчик легко идентифицирует себя как с Маниловым, так и с Чичиковым, в зависимости от сюжетной ситуации. В сознании главного героя Манилов и Чичиков - воплощение идеала дружбы, поэтического чувства: односторонняя интерпретация “двунатурного” Чичикова, соотнесенного с Маниловым. Другая сторона Чичикова (“хозяин, приобретатель”) воплощается в образах Сержа Карманова и его матери, в портретных характеристиках которых сплетаются черты Чичикова и Костанжогло (отсюда реплика Сержа в упомянутом разговоре “Вот, Дон Кихот, - показал мне Серж, - он был дурак”. “Круглота замкнутости в себе” разрушается в романе Добычина: Чичиков-Манилов противопоставляется Чичикову-Костанжогло.

А. Е. Ануфриев
Киров

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЖАНРОВАЯ ДОМИНАНТА АНТИУТОПИИ М. Я. КОЗЫРЕВА "ЛЕНИНГРАД"

Имя прозаика Михаила Яковлевича Козырева почти не известно современному читателю. Его сатирические повести и рассказы, широко издававшиеся в 20-х годах, постепенно перестали печататься, а сам Козырев был арестован в 1940 году и погиб в саратовской тюрьме. Только в 1991 году в серии "Волшебный фонарь" был издан сборник произведений М. Козырева, в который вошли повести "Ленинград", "Пятое путешествие Гулливера", рассказ "Крокодил", не публиковавшиеся ранее.

Повесть "Ленинград" была написана М.Козыревым в 1926 году и явилась сатирическим откликом на современную действительность. В "Предисловии" автор, используя традиционный прием, выдает себя за издателя чужих записок.

Воспаленному воображению героя-повествователя представилось, что его приняли за мертвого, похоронили и только через 37 лет он проснулся и оказался в коммунистической России 1950 года.